

УДК 321.01

С.А. Балюкин

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ ДИХОТОМИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривается проблема сущности двойственности властных отношений с точки зрения анализа личностной структуры общества.

Согласно определению, данного в словаре русского языка С.И. Ожегова власть – «право и возможность распоряжаться кем или чем-нибудь, подчинять своей воле» [1].

Власть всегда означает, с одной стороны, подчинение чьей-то воли, а с другой – подчинение ей. В общественной сфере жизни государство диктует свою волю гражданам и соответственно обществу в целом. Поэтому государственную власть определяют как руководство обществом при помощи государственного аппарата при опоре на особые отряды вооруженных людей, на специальные принудительные учреждения.

Субстанциональная дихотомия власти определяет сущность двойственности власти, когда люди, стоящие у власти должны защищать интересы всего общества, а с другой стороны проявляют агрессивность в использовании власти через аппарат принуждения и насилия, а также в силу личностных амбиций, преследуя свои частные интересы и пренебрегая интересами общества как целого.

В разных обществах и государствах характер государственной власти различен: в одних руководство со стороны государства означает прямое насилие, в других – скрытое принуждение, в третьих – главным образом организаторскую деятельность. Имеет место и сочетание разных средств проведения государственной воли. Если законы, утвержденные законодательной ветвью, не исполняются, издаваемые правительственными учреждениями постановления и приказы в жизнь не претворяются, если вовремя с должным эффектом не выносятся или не исполняются приговоры и решения судебных властей, то имеет место атрофия государственной власти, наблюдается анархия (безвластие) или возвышение какой-то иной власти. Большое значение имеет легитимность государственной власти, т.е. формирование ее на основе закона и с учетом общественного волеизъявления.

Эволюцию власти можно наблюдать с древнейших времен, когда первобытный род управлялся на основе первобытнообщинной демократии. Его высшим органом было собрание всех взрослых сородичей, сообща решавших основные вопросы хозяйственной и общественной жизни. При

этом естественным авторитетом пользовались зрелые, умудренные опытом люди, из среды которых выбирались вожди и старейшины – наиболее влиятельные мужчины и женщины. Вожди руководили производственной деятельностью сородичей, совершали общественные церемонии, улаживали споры, предводительствовали во время военных столкновений. Хотя их власть основывалась только на личном авторитете, уважении, которое питали сородичи к их выдающимся качествам, опытности, знаниям, она была вполне реальной властью. Если бы кто-нибудь рискнул воспротивиться пользующему популярностью вождю, ему пришлось бы иметь дело с большинством племени. Это и понятно: власть вождя всегда служила интересам всего рода и была лишь конкретным, повседневным воплощением всего рода. Как ни суровы были родовые нормы, как ни безжалостно подчиняли интересы отдельной личности интересам коллектива, они никогда не давали преимуществ одним сородичам перед другими.

Организация власти в родовой общине в принципе отличалась от возникшего позднее аппарата государственной власти, но принцип формирования власти конкретными личностями, обладающими необходимыми знаниями, авторитетом и опытом был заложен еще в родовой общине.

Опираясь в работе на исследования типологии личностной структуры общества Гумилевым Л.Н., Поршневым Б.Ф., Диденко Б.А., К. Лоренцом, можно проанализировать формирование личностной структуры власти.

Интересен взгляд Л.Н. Гумилева на формирование личности, способной объединить людей, с точки зрения пассионарности и комплиментарности. Исходя из этого, «люди объединяются по принципу комплиментарности – это неосознанная симпатия к одним людям и антипатия к другим» [2]. Рождению любого социального института, в том числе и института власти, предшествует объединение какого-то числа людей, комплиментарных друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью и исторической судьбой. К власти, в основной своей массе, приходят наиболее активные и нередко агрессивные личности (Иван Грозный, Наполеон, Петр I, Екатерина, Ленин, Сталин и т.д.).

Здесь необходимо рассматривать типологию личностей, обладающих такими качествами. Интересна в этом плане антропологическая типология личности созданная Б.А. Диденко, который продолжил теорию суггестивности и контрсуггестивности Б.Ф. Поршнева. Б.А. Диденко строит свою классификацию личности с позиции хищничества (предельной агрессивности). «Хищность определяется, как врожденное стремление к предельной или же чудовищно сублимированной агрессивности по отношению к другим человеческим существам» [3].

Первый тип (хищный!), (по терминологии Диденко, вид) – это палеоантропы, предельно близкие к своему дорассудочному предшественнику,

«биологическому прототипу» – подавлявшему с помощью интердикции волю сородичей и убивавшему их. Это мрачные злобные существа, зафиксированные в людской памяти с самых ранних времен, в частности, в дошедших до нас преданиях о злых колдунах – людоедах.

Второй тип (так же хищный) – это суггесторы, успешно имитирующие интердиктивные действия «палеоантропов», но сами все же не способные противостоять психическому давлению последних.

Третий тип (нехищный) – диффузный. Это те самые суггеренды (суггестивно зависимые), не имеющие средств психологической защиты от воздействия жутких для них, парализующих волю к сопротивлению импульсов интердикции (запрещения).

Четвертый тип – это неолантропы, непосредственно смыкающиеся с диффузным видом, но сформировавшиеся несколько позднее. Они более продвинуты в направлении сапиентации, оразумления, и способны уже осознанно не поддаваться магнетизирующему психологическому воздействию интердикции. «Неолантропов» следует считать естественным развитием диффузного вида в плане разумности.

Это разделение на типы связано с формированием типов личностей на сравнительно ранней стадии антропогенеза. С течением времени наиболее приспособленным к переменам в общественной жизни общества проявил себя второй хищный тип – суггесторы, на протяжении всего исторического времени стремящиеся занять властные позиции в политической системе общества.

Гегелевское определение прогресса как «процесса осознания свободы» [4] не достаточно полно и односторонне, так как существует одновременный, обуславливающий прогресс, процесс адаптации хищников (суггесторов) в рамках социально приемлемого поведения, ибо прогресс – это уход от их понимания «свободы» как безнаказанного отправления любых агрессивных устремлений. И если бы не было их сопротивления, то не был бы и столь мучительным для людей прогресс: ибо кто же не хочет свободы? Но в их руках сила до сих пор, хотя они пытаются найти для себя какие-то оправдания перед общественным мнением – в этом, и только в этом, и заключается влияние на них прогресса, что весьма неприятно для них. В прошлом, доцивилизационном социуме поиск подобных оправданий для собственной жестокости и лживости от них не требовался.

Разумное существо не способно по собственной воле творить сознательное, умышленное зло. Исходя из этого, можно определить Разум как признак третьей сигнальной системы.

Первая сигнальная система – это рефлекторная деятельность животных: инстинкты, условные и безусловные рефлексы. Ее предел – это ум, со-

образительность высших животных, действующих методом проб и ошибок, способных приобретать и передавать опыт, обучать.

Вторая сигнальная система – это рассудок, речь, мышление у человека, способного уже на самоосознание и осмысленное поведение. Вторая сигнальная система является ограничивающей для первой сигнальной системы, торможением безудержности ее импульсов, сдерживанием эмоций. Из множества целей, мотивов, диктуемых силами эмоций и инстинктов, человеческий рассудок выбирает наиболее рациональный, более надежно приводящий к поставленной цели. Предел возможностей второй сигнальной системы – рассудочное, высокоинтеллектуальное поведение, научное мышление, построение государства, культур, цивилизаций, «покорение» природы, вплоть до выхода человека в космос и создание ядерного оружия.

Третья же сигнальная система – может быть присуща только нехищным (по терминологии Диденко Б.А.) людям. Это и есть Разум, и это именно его проявления – совесть, сострадание, учет интересов окружающих людей, непричинение зла людям и природе без каких бы то ни было запугивающих, «дисциплинирующих» факторов, типа религиозных угроз или моральных призывов.

Третья сигнальная система является сдерживающей и ограничивающей уже по отношению ко второй сигнальной системе, и человек именно таким образом приобретает нравственность. Для общества же это сдерживание имеет пока что по большей части только теоретический характер, оно ограничивается лишь безуспешной критикой явно неразумных действий людей и человечества в целом. Действительно, рассудочное поведение людей в большинстве своих проявлений – неразумно, ибо цели самых что ни на есть хитроумнейших комбинаций оказываются либо мнимыми, либо вредными. Делание денег ради денег. Или непомерный, ненужный людям западный темп работы, – и все ради прибыли для кучки финансовых воротил, за счет здоровья миллиардов простых людей; технический прогресс – любой ценой, уже даже за счет гибели самой Жизни на Земле. Что может быть безумнее?

Третья сигнальная система – Разум предполагает оценку рассудочных действий с нравственной точки зрения: не только «познание добра и зла», но и безоговорочное принятие стороны добра. Можно предположить, что государство чужеродно природе человека разумного. Ибо государство и Разум дихотомичны: либо – оно, либо – Он. В принципе, все живое имеет свойство социализироваться, «скапливаться». Эту тенденцию можно распространить и на неживую материю: залежи минералов, растущие кристаллы, сталактиты и т.д. Живая материя создает уже иной уровень социальности, более высокий, достигая максимума сложности социальных структур у эусоциальных насекомых и в иерархиях сообществ высших животных.

Человечество, руководствуясь рассудком и Разумом способно создать еще более высокий уровень социальности – подлинный, безвластный социализм. Но мы видим, что беспричинные, бессмысленные войны древности ныне сменились меркантильными изощренными финансовыми битвами за рынки сбыта, сырье, дешевую рабочую силу.

В этом контексте становится понятным, что нахождение авторитариев у власти – это уже не анахронизм, а правильное – атавизм. Авторитарный стиль руководства уместен лишь при решении несложных задач – это истина социальной психологии. С неизбежностью создается зловещий парадокс: задачи управления обществом к простым отнести никак нельзя, а в то же время все правительства в большей или меньшей степени авторитарны, включая сюда и те случаи, когда за спиной безвольного и ничего не решающего правителя – марионетки (Рейган, Ельцин) стоят «теневые кукловоды» – финансовые олигархи. Западная демократическая парламентаристская многопартийная система взаимных сдержек и противовесов, вроде бы обеспечивающая самозащитаемость общества от произвола властных структур тоже является всего лишь фасадом, а реальное управление осуществляют все те же «теневые кукловоды», представляющие финансовых олигархов в политике, пропаганде, масс-медиа, науке, церкви...

Именно это несоответствие претензий авторитариев от власти, их наклонностей и устремлений с качеством тех задач, которые стоят перед обществом и для выполнения которых власть и требуется, является главной бедой, исходящей от олигархических режимов. Ибо разрешается это противоречие таким образом, что хищные власти, не будучи в силах изменить свое поведение и авторитарную установку, вместо этого меняют эти самые – стоящие перед обществом, а следовательно, и перед ними, задачи, и ставят новые, не приносящие в итоге пользы никому: ни обществу, ни даже им самим. Вот эта дихотомия власти и «подлаживание под себя» отношений в обществе и приводит к войнам, внутригосударственным конфликтам и репрессиям. Именно политики – власть имущие суперанималы и суггесторы запускают в действие механизмы репрессий и детонируют милитаристские взрывы. Наибольшую же опасность несут людям пассионарные (гетерозисные) гибриды из сфер «высокой политики». Таким образом, не «война – продолжение политики иными средствами», а несколько иначе: политики – это жрецы-хранители огня войны, время от времени раздувающие его пламя. Еще Огюст Конт предлагал социальные реконструкции, предусматривающие отстранение от управления обществом всех его «идеологов», в том числе – военных и политиков.

Личностная структура общества, особенно наличие суггесторов и суггестивно зависимых типов личности, оказывает влияние на развитие общества. Для иллюстрации роли личностной структуры общества как первич-

ной по отношению к политическим правовым и т.д. учреждениям власти, управления рассмотрим критику привычного восприятия взаимодействия личности (индивида) и общества по упрощенной схеме. Эта схема – упрощение и догматизация научных и «коммунистических» принципов. Ее суть: индивид – это элемент общества; Общество – система; индивид как личность – элемент системы. Отсюда можно сделать, и делается весьма неточный вывод, что не индивиды с их личностными качествами порождают систему, а она сама творит личность. Но сама эта схема, хотя и кажется в теории и на практике доказательной до тех пор, пока мы берем в качестве образца насильственные органы управления и их правовое основание. Особенно ярко насильственные методы проявлялись в период тирании вообще, фашизма и сталинизма в особенности.

Если обратиться к фундаментальной основе закономерного характера связей личностной структуры и порождаемой ею системы насильственного вовлечения личностей в создаваемую ими же систему, то можно увидеть суть сохранения первично-вторичной зависимости именно в нашей постсоветской системе, впитавшей в себя из прошлых систем отнюдь не все самое лучшее. По логике именно здесь вступает в силу приоритет самых массовых типов личности – суггестивно зависимых. На первый взгляд, кажется, что человек, вовлекаемый в общественный механизм экономического, политического и правового регулирования, делает это добровольно, или он сам заинтересован в существовании государственных правовых органов, ограничивающих волю личностей, не вписывающихся в систему вообще, личностную систему, в частности. Это первый взгляд, и его аргументы сводятся к тривиальной истине: каждый должен подчинить себя той системе и тем правилам игры (правовые нормы), которые он, родившись, уже застаёт в наличии. И многим удается адаптироваться и жить в добром здравии с любой, самой трагичной системой насилия, с убеждением, что они просто не вольны что-либо менять в том, что вне их. Напомним, что у человека есть свобода воли и ее механизм зависит от типа личности.

Всем известна формула власти: «казнить нельзя помиловать». Запятая в этой формуле не поставлена, иначе говоря, сама система еще не определяет в своих ментальных (в данном случае правовых) выкладках поведение личности, принимающей решение казнить или миловать, это делает личность, или скорее типовой набор личностей, из которых складывается «в живую» правовая система государства. Отсюда можно сделать вывод, что запятую (судьбу человека, попавшего в объятия силовых ведомств) решают не абстрактные нормы права и их учреждения, а конкретная личность следователя, судьи, прокурора и т.д.

Но для сохранения «свободы воли» всех этих доминирующих в силовых структурах государства личностей в любых, даже самых трагических дикта-

торских режимах, лицо правовой системы всегда разукрашено демократическим макияжем. И не редко лица, стоящие у власти из деятельности которых складывается сама жизнедеятельность общества в правовых каналах связей, сами определяют, будет ли этот макияж маской смерти, или маской возмездия, или маской охраны жизни и гуманизма, или все вместе. Ибо причины многоканальны. Первая из них – наличие в личностной структуре достаточного количества лиц, способных на установление порядка с помощью внешнего давления. Вторая – социальный заказ, складывающийся не только из интересов хищников (суггесторов) в лице властных структур, но и всех остальных групп населения, прежде всего, суггестивно зависимых, конформных и т.д. Третья – социальный отбор первых и вторых, связанный с интересами целостности и устойчивости данной системы, то есть целосообразности.

Дихотомия властных отношений косвенно опосредованно, но очень значимо создает предпосылки асоциального поведения личности. Давление власти на индивид, его тип, которое требует определенных норм поведения вызывает сначала потребность не подчиняться, а потом влияет на изменение своей позиции к власти. Неподчинение власти связано и с тем, что с изменением экономической структуры общества власть применяет правовые нормы, которые уже устарели, т.е. человек не может комплиментарно относиться к власти, даже если правовая система общества нацелена на демократизацию общества (отношения частной собственности не урегулированы полностью, что отбрасывает предпринимателей в тень асоциального поведения). Они, автоматически попадая в тиски закона, вынуждены его обходить, т.е. происходит поиск путей «договориться» с властными структурами. Происходит криминализация властных отношений не только путем коррумпированности, а сращиванием с криминалом и теневой экономикой, происходит слияние власти и криминала.

Асоциальное поведение человека есть любое сужение человеческой сущности, разлад в недрах индивидуальности – несовпадение мотивов и целей, отсутствие смысла жизни, что и создает социальные условия для асоциального поведения. Одной из причин асоциальности является отставание права от морали в обществе. В настоящее время мораль во многом утратила регулятивные функции по сравнению с правом, но и в этом случае, если происходит подмена моралью правовых норм, если мораль оторвана от права, не работают с полной отдачей и правовые нормы, и моральные. Отрыв морали от права при криминализации общества – это расширение границ асоциального, криминального поведения, якобы допустимое с точки зрения бизнеса, рынка, традиций общества. Это и проституция, и наркомания, и скрытая форма подкупа, мошенничества, использование служебного положения и т.д. Подчеркнем, что расшатывание моральных норм не возмещается

ужесточением правовых норм, и наоборот. С помощью одного только правового давления нельзя сделать поведение человека моральным.

Крайней формой асоциального поведения является преступление. Преступность рождает само общество, и если общество преступно, то в нем находится большое количество преступников. Не изменяя само общество, а лишь реформируя правовую систему, невозможно избежать преступности.

Современное общество криминализировано по двум причинам:

– во-первых, право отстает от новых элементов социума (заторможенный переход к капиталистическому (рыночному) праву с сохранением в качестве регулятора правовых систем социализма);

– во-вторых, право и мораль разорваны, отчуждены друг от друга, несмотря на то, что исторически появление этих двух норм было всегда в синтезе, причем в истории общества, мораль как регулятор общения была первичной по отношению к праву.

За время советской системы, когда целые поколения прошли через систему ГУЛАГа личностная структура общества была криминализирована, аморальные личности, которые могли легко приспособиться к любой власти (суггесторы) пошли во власть и остались на «плаву». Эта личностная система общества и характер взаимодействия в ней характерны и для властных отношений на современном этапе.

Силовые приемы управления неизбежны в любой личностной системе, так как они нивелируют перепады, провалы в цепи личностных взаимодействий. Однако степень и характер употребления власти могут быть понятны только через количественный и качественный анализ личностных структур общества.

Исходя из вышесказанного, можно сделать некоторые выводы: «современной практике управления государством необходимо перейти на новый тип или способ управления. Имеется в виду управление обществом не только через экономические и властные политические рычаги, а через использование законов развития личностной структуры общества» [5].

Эти законы необходимо выявить, вытащить из глубин теоретических и практических знаний, которые дает социально-философский и философско-антропологический анализ, в реальную практику управления.

Необходимы социальные исследования объекта управления, т.е. групп людей данной страны или данного региона по признакам наличия способностей и потребностей по отношению к власти, политической деятельности, экономической деятельности (отношения к собственности), к способам общения (насиловственным, иерархическим, комплиментарным). Обнаружить эти способности можно только через их фундамент, или нижний, психофизиологический этаж антропологических исследований: суггестии,

контрсуггестии, полиморфизма способностей, мономорфизма, степени использования интеллекта в дифференцируемом виде и т.д.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М., 1974. — С. 80.
2. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период / Л.Н. Гумилев. — Л., 1990. — С. 45.
3. Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов / Б.А. Диденко. — М., 1996. — С. 56.
4. Платонов К.К. Проблемы способностей / К.К. Платонов. — М., 1972. — С. 46.
5. Оконская Н.Б. История в лицах, или закономерности развития личностной структуры / Н.Б. Оконская // Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 2001. — № 26. — С. 214–220.

Поступила в редакцию 17.10.2003 г.